

К@ВКАЗИЯ

международная коалиция гендерных журналистов

международный
информационно-аналитический
электронный журнал
год выхода - четвертый
2008, N4, апрель

тема номера: **село и гендер**

содержание

Туркменистан	ФЕМИНИЗМ ЯВОЧНЫМ ПОРЯДКОМ: это когда надеяться не на кого
Грузия	ВЫГЛЯЖУ ВДВОЕ СТАРШЕ от непосильной работы и жестокого быта
Азербайджан	РАБОТА ДЛЯ МИЛЫХ ДАМ: каменоломня, удобрения и вагоны картошки
Азербайджан	БЕГСТВО ИЗ АДА в город
Грузия	МУЖ-НЕГОДЯЙ, БРАТ-ТИРАН И ДЕРЕВНЯ ЛИЦЕМЕРОВ стараятся сделать тебя тенью, но все-таки - сопротивляйся!
Грузия	ЗАКРОМА РОДИНЫ кто их наполняет?
Грузия	УЗНАЮ СЕЛО РОДНОЕ по чувству боли и вины
Эстония	БЕГСТВО ИЗ АДА в село

ГЕНДЕР

фото Полины Милорадович

В ДЕРЕВНЯХ

ОТ РЕДАКТОРА

Трудно деревне, заброшена она и покинута. Существование в ней экстремально. От этого она озлоблена и требовательна сверх меры. Требовательность как ручей - торчит дорогу там, где почва мягче. Подминает под себя того, кто подминается. Кто молчит, терпит, мало думает, много работает... Кто боится показаться "не такой" - не вполне честной, недостаточно правильной, хозяйственной, заботливой. У кого чувство вины родилось раньше нее самой.

Деревня - чемпион по гендерному лицемерию. Она зорко следит, чтобы традиции свято читались. В той их части, которая регламентирует женщин. Не помысли свободы, не забудь долг, не спорь, не ленись, не прихорашивайся... Сиди дома.

Но она охотно меняет "традиции", если подпирает нужда. И тогда уж не обязательно сидеть дома. Иди в поле, на кирпичный завод, грузи кирпичи и картошку. Или даже - отправляйся в Эмираты. Если это выгодно, семья и деревня способны закрыть глаза на детали. Временно. Чтобы, когда надо, вновь посмотреть строго и взыскательно. Грузила кирпичи? А дом на ком? Ездил в Эмираты? Ну и что ты там делала?..

Всегда под подозрением и всегда виновата.

Алтын АХМЕДОВА
Туркменистан

экстремально

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ В СЕЛЕ:

задача
не
для
слабых

фото Умиды Ахмедовой

Меня зовут Кабиш, мне 38 лет. Живу в дальнем селе, на севере Туркмении. В плохую погоду проехать к нам можно разве что на тракторе, иначе застрянешь в солончаке. Наш дом - на самой окраине. Мы четвером живем - я, моя золовка Мамыш и двое наших сыновей - ее и мой. Так получилось, что судьба у нас с Мамыш похожая, хоть и разница в возрасте - 11 лет. Она похоронила мужа спустя два года после свадьбы, а я - и того раньше. Ее Гурбан от тяжелой болезни скончался, а мой Джумадурды погиб в автоаварии. Мамыш после смерти мужа вернулась к родителям, когда я пришла в их дом невесткой, она уже жила тут с малолетним сыном. Мы с мужем прожили чуть больше года. Сынишке три месяца исполнилось, когда Джумадурды попал в аварию. Две недели в реанимации, а потом смерть... Я думала, все, жизнь кончилась. Для туркменки, живущей в селе, остаться в 22 года вдовой - крест на личной жизни. Разве что

вдове с детьми посвадатеся, чтобы вырастила его сирот, но и тот предпочтет взять в жены девушку. Честно скажу, повторение судьбы 33-летней золовки, уже 7 лет жившей без мужа, меня страшила. А она была первая, кто вызвала меня на откровенный разговор, и сказала, что Аллах подарил мне ребенка, ради которого я должна жить, не думая о себе. Придет время, сказала Мамыш, и ты еще испытаешь свое женское счастье. Я не поверила тогда, но чуть успокоилась. К родителям решила не возвращаться, из дома свекрови меня никто не гнал. По профессии я - воспитатель детского сада, окончила педучилище. В колхозном детсаду не было заведующей, и на эту должность назначили меня. Проработать успела недолго, всего два года. Жизнь в туркменском селе и так не сахар, а тут большая страна развалилась, и все понеслось куда-то под гору. Хозяйство приходило в упадок, люди лишались

работы, им без надобности стало отдавать детей в детский сад. Вскоре последние дети перестали ходить, и на дверях детсада появился амбарный замок. Население нишало. Первыми расписались в бессилии мужчины. Многие деградировали еще и благодаря наркотикам, ставшим вдруг очень доступными.

В середине 90-х один за другим ушли в мир иной мои свекр и свекровь. Мы с Мамыш остались в доме вдвоем. Мы да наши дети. Помощи ждать неоткуда. Сами мы и есть - и главы семьи, и добытчицы, и защитницы. Нам такую роль определило несчастье, но и у других женщин в селе сложилось как-то похоже, даже если у них никто не умер. Почему-то многим пришлось все взвалить на себя.

Издавна туркменка была лишь хранительницей очага, матерью многочисленных детей; мужчина же являлся добытчиком. И вот теперь все стало с ног на голову: мужчины растерялись, расписались в бессилии, перестали приносить деньги. Зато женщины находили разные способы - как выжить. Иногда просто диву даешься этой изощренности. Расскажу о себе. Однажды один за другим заболели наши с Мамыш сыновья - перезаражали друг друга. Врач дала назначение и ушла на другие вызовы. Ближайшая медсестра живет на другом конце села, на улице - непролазная грязь, а ей три-четыре раза в день надо до нас добираться. Решила я сама научиться делать уколы. Руку набила быстро, дети даже не плакали. С этого все и началось. Теперь раз в месяц-два я ехала в областной центр, накупала там необходимых

лекарств, шприцев, ваты и везла все это к себе в село. Сначала родственники и ближайшие соседи просили помочь с уколами, потом и на соседние улицы стали звать. Научилась и внутривенные инъекции делать. Могу оказать любую первую помощь при ожогах, ушибах, переломах, дать лекарство от головной и зубной боли, аптеки-то поблизости нет... Сельчане предпочитают обращаться ко мне, потому что я часто оказываю помощь бесплатно, просто по-соседски, по-родственному, а это в тяжелое время очень важно.

Что я только ни делала, чтобы содержать нашу семью. Сдобу на заказ пекла, салаты готовила на большие тои, чебуреки и беляши жарила. Но этот бизнес долго не просуществовал - все это людям стало не по карману заказывать. Но я все время находила что-то, принималась за любое дело, приносящее мало-мальский доход.

Очень модны и пользуются большим спросом у нас и в соседнем Узбекистане вязаные цветные тапочки. Умелая вязальщица за день может связать до 6 пар таких тапочек. Я сама не вяжу, зато умею реализовывать товар. Стала договариваться с вязальщицами и оптом возить его в областной центр. Первое время навар был не слишком большой, но на продукты первой необходимости хватало. Когда же я проторила дорожку в соседнюю Хорезмскую область Узбекистана, то вырученных денег стало хватать на то, чтобы неплохо одевать-обувать подрастающих мальчишек. Иногда вывозила за границу до тысячи пар тапочек!

Одна смастерила, другая привезла, третья продает. Маленький женский солидарный бизнес, который позволяет купить кусок хлеба.

фото Умиды Ахмедовой

Всю домашнюю работу мы с Мамыш делим поровну: если она доит корову, то я задаю корм курам; если она убирает навоз, то я делаю что-то равноценное по тяжести - ношу воду, выливаю помои, чищу двор... Кроме того, Мамыш, к счастью, имеет постоянную работу - она секретарь у главы местной администрации. Зарплата невысокая, зато постоянная.

Сейчас мы живем втроем - старший мальчик заканчивает учебу в музыкальном училище в Ашхабаде, домой приезжает только на праздники и каникулы. Младший пока учится в школе. Не так давно мы с золовкой наконец-то выкроили денег и купили спутниковую антенну и ретранслятор. Теперь нам доступно российское телевидение. Смотрим мы на женщин на экране - таких красивых, ухоженных, с роскошными волосами, нежной кожей - и сравниваем с собой... Что тут скажешь? Туркменки в селах не могут позволить себе даже шампунь - многим его заменяет гатык (простокваша). Волосы от него становятся слипшимися, прилизанными, да и запах малоприятный, но раскошелиться на шампунь может далеко не каждая. Мы-то с Мамыш покупаем, но, конечно, не такой, как рекламируют, а простой, дешевенький.

Помыться для сельских женщин - большая проблема. Вода имеется далеко не в каждом дворе. Например, мы ходим за ней на соседнюю улицу, где есть колодец, это примерно полкилометра от дома. Сколько принесла воды, столько и вынеси, потому что и канализации в доме нет. Потому и стираем по минимуму - простынями не пользуемся, темные наволочки на подушках и такого же цвета пододеяльники меняем и стираем редко; полотенца чуть чаще, но и они такие же темные.

Любая сельская женщина скажет, что у нее хронический цистит и разные женские болезни. Потому что все "удобства" на улице, в любую погоду, в любое время суток идешь в туалет, расположенный в конце огорода, продуваемый насквозь всеми ветрами.

Мне всего 38, но я ощущаю себя намного старше. Стала сильно уставать. Расшатались зубы. По ночам ноют суставы и сводит судорогой ноги. Иногда природа напоминает мне, что я женщина и могла бы быть рядом с мужчиной. Но, глядя на соседских мужчин, на то, как женщины тянут на себе дом, детей, хозяйство, мужей - я счастлива, что одна. Нет, не одна - рядом моя золовка, моя подруга, моя сестра Мамыш. И с нами есть маленькие мужчины - наши сыновья. И думаю, может, жизнь еще наладится?

(перевела с туркменского специально для "КавкАзии" Ашира Рахманова)

Помыться, постирать, вымыть посуду, выкупать ребенка - в доме без крана всю воду надо принести, а потом вынести. Этим занимаются женщины - с раннего детства.

фото Умиды Ахмедовой

Диана ПЕТРИАШВИЛИ
Грузия

просто беда

СЕЛЬСКИЙ СТАЖ ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ: ГОД ЗА ДВА

Все предвыборные клятвы и заверения в Грузии так или иначе базируются на обещании создать наконец нормальную жизнь в деревне. Проблемы села - это тот тупик, в который упираются и давно уже провозглашенная властью борьба с нищетой, и развитие экспорта, и реформы в сфере образования, медицины, экономики...

фото автора

Сейчас, например, власть обещает: отремонтировать в деревне дороги, обустроить медпункты и ветеринарные службы, провести воду, а кое-где - даже газ. Крестьяне смотрят телевизор, внимают и не очень-то верят: очень уж сказочно!

Все, к чему давно привык горожанин, сельским жителем воспринимается как роскошь. Действующая и мало-мальски оснащенная поликлиника в деревне? Неужели так бывает?!

И неужели может в деревне работать толковый ветеринар или агроном?

Неужели это правда, что скоро во всех селах появятся - тракторы???

Есть села, что живут чуть лучше остальных - это кому повезло с землей и с климатом. Есть откровенно нищие деревни - кому повезло меньше. Земля там ничего толком не родит, а все агропромышленные

объекты пребывают в глубокой стагнации. Есть еще труднодоступные - то есть заброшенные и практически забытые высокогорные села, в которых живут такие же забытые и заброшенные люди - одна-две-три семьи. А то и вовсе - один-два-три старика. Этим приходится тяжелее всех остальных: волки с медведями, забредающие в их огород - это повседневность. Медсестра из райцентра по осени инструктирует самую сообразительную из крестьянок, в каком случае "лечить" односельчан анальгином, и в каком - парацетомолом. Долгой зимой, когда снег заносит разбитые дороги, крестьяне могут уповать только на себя, на Господа Бога, да на сообразительность проинструктированной на предмет анальгина-парацетамола соседки.

А еще есть в Грузии деревни, в которых как будто бы есть все, что надо: и почва

плодородная, и от столицы недалеко, и даже какие-никакие рабочие рабочие места случаются. А быт все равно катастрофически неустроен, жизнь трудна, бедна и неулыбчива. И это очень показательно, смотришь и понимаешь: пока еще никто, ни разу, всерьез не пытался оказать деревне комплексную, постоянную, не ослабевающую помощь.

Однажды я общалась с хронически усталой женщиной, жительницей посёлка, что в каких-то 70 километрах от Тбилиси. "Надо же, - сочувственно думала я, глядя на ее распухшие руки, на изуродованные варикозной болезнью ноги и на страшный беззубый рот, - а ведь ей, должно быть, лет 40, не больше!"

- Трудно в деревне, - говорила мне та женщина, - работаешь и работаешь, а денег нет, здоровье уходит, и как в этой жизни детей пристроить - непонятно.

Как "пристроить" детей - об этом ломают голову оба родителя, но папа, как правило, имеет возможность хоть как-то отвлечься от суровой действительности.

- Да нет, у меня муж хороший, - опередила мой вопрос женщина, - летом он редко пьет.

Зима не в счет. Считается, что зимой у деревенского жителя мужского пола дел совсем немного - а потому можно и выпить. Не то что у женщины, которая, вне сезона, готовит-стирает-убирает на всю семью. Ледяная вода да дровяная печка - вот и весь комфорт у нее на кухне.

- Я зимой много работаю, - охотно рассказывает женщина, - вожу в Тбилиси сыр и свинину. Под Новый год, бывает, неплохо заработаешь.

Я легко представляю ее, навьюченную тяжеленными сумками с сыром и свининой - много их на тбилисских базарах.

- За день все успеваю, но дорога разбитая, пока доедешь, семь потов сойдет.

- А в прошлом году у нас все свиньи сдохли, - продолжает она, - ну, от вируса этого, будь он не ладен. Сейчас еле-еле концы с концами сводим и на рынок уж везти нечего.

Она рассказывает и рассказывает - о том, как ходят страшные слухи про новые налоги на землю ("и что делать, если их введут?!"); о том, что в поселке почти нет техники, и потому многие пахут, как столетия назад - волами; о том, как в поселковую школу ходит всего пятеро детей, и потому в школе так пусто, уныло и холодно; о том, как некоторые "уехали в Грецию" и живут сейчас припеваючи, правда почему-то совсем никогда не пишут; о том, что она не ходила к врачу так давно, что и не помнит, когда это было, а спина по утрам болит так сильно, что нет сил терпеть...

- Трудно в деревне, трудно, - завершает она монолог, - здоровье уходит, а ведь я молодая. - Я киваю и прячу глаза. - Мне зимой 26 исполнилось, - уточняет она и, заметив мое изумление, смущенно улыбается, прикрывая рот ладонью.

Правду сказать, у мужчин-селян проблем тоже немало. Но у них есть хотя бы досуг. К тому же село вполне терпимо относится к их "слабостям".

фото Полины Милорадович

Вафа САЛЕХ
Азербайджан

рабский труд

ЕСЛИ ЭТО НЕ ТРУДОВАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ - ТО ЧТО ЖЕ ТОГДА? *еще раз про Джалилабад*

*в сельском хозяйстве страны трудится 60-70% женщин,
они выполняют тяжелую и вредную работу*

Мы проводили мониторинг в регионах - хотели понять, как живут сельские женщины, какие у них проблемы. Я и до этого знала, что в деревнях основная работа лежит на плечах женщин. Но что - настолько?!

Женщины занимаются сбором картофеля. Собственники (мужчины) оплачивают их труд так: за работу с 6 утра и до 8 вечера платят по 4 доллара за каждые 60 центнеров картофеля. Вы можете представить - что такое 60 центнеров? Центнер - это 100 килограммов. Надо собрать 60 раз по 100 кг - и тогда ты получишь - страшно сказать - 4 (четыре) доллара США. За месяц такой работы они как-то умудряются получить 100-120 долларов. Страшно представить, сколько килограммов входит в эту сумму. Гора? Поле? Вагон? С этим заработком они должны прожить весь год, и для деревни это крупная сумма. Этой работой дорожат.

Вторым заработком здесь является изготовление кирпичей из глины. За одну тысячу кирпичей они получают 16 долларов США. По сути, эта работа не по силам обычной женщине. Но сельчанки считают и это хорошим заработком.

Еще один вид работы: каменный карьер, каменоломня, которая находится в этом районе. В советское время на карьере работали заключенные, приговоренные к смерти. А сейчас здесь работают женщины, которые никаких преступлений не совершали. Иногда среди них встречаются даже беременные - ведь надо как-то кормить семью.

Нередко женщины вынуждены брать с собой на работу детей, чтобы сэкономить время, сделать больше нормы и получить дополнительные деньги. В селе бросается в глаза: очень много пожилых женщин. Но это только по виду, на самом деле им может быть слегка за 30. Женщины выглядят намного старше своего возраста, и 48-летняя выглядит и чувствует себя, как 60-летняя.

фото автора

Это руки 60-летней жительницы Шамкирского района, Бясти Шарифовой. По словам врача, это из-за того, что она с детства работает на удобренной земле. Но сегодня ее руки уже не работоспособны. Лечение требует больших денег, которых нет, и болезнь, стало быть, будет прогрессировать. И поэтому она говорит молодым односельчанам, чтобы они всеми способами постарались дать своим дочерям хорошее образование. Бясти говорит:

женщина без образования всю жизнь будет рабыней для своей семьи, работать и за себя, и за мужа. Только везти на себе всех, стареть, изнашиваться, болеть...

Женщинам никто не рассказывал о новых технологиях сельского хозяйства, хотя бы об элементарной технике безопасности, о рисках. И они продолжают работать с удобрениями, даже не очень задумываясь об их вредности.

В сёлах на хозяйстве трудятся 60-70% женщин. У них нет выбора, они не знают своих прав, они мало думают о будущем - своем и своих детей. Им некогда, потому

все время они должны работать. Для обыкновенной сельской девочки, девушки, женщины с самого рождения и до старости - единственная реальность, весь мир - это труд и насилие. Разговаривая с женщинами, мы иногда спрашивали их: хотели бы вы изменить свою жизнь? Этот вопрос казался им странным. Как это, изменить? А что, они могут жить по-другому? В одном селе женщинам предложили выдвинуть свою кандидатуру в местный Совет. Но они отказались - не одобрили мужа, стало стыдно и страшно: что скажет деревня?

Кандидатку так и не выдвинули. Ибо: что скажет деревня?

фото автора

и все-таки: СТРОПТИВЫХ - ВСЕ БОЛЬШЕ!

Действительно, в сёлах нашей страны очень трудная, порой просто невыносимая жизнь. Это настоящее рабство для женщины: мужу дозволено все и в семье, и за ее пределами, а жена не может выйти даже за порог дома без его ведома. Представьте себе женщину, которая всю свою жизнь может общаться только с очень узким кругом лиц - родственниками. От одного этого можно сойти с ума. К счастью, есть отважные девочки, которые стараются избавиться от этих оков, от эксплуатации. Я знаю много таких строптивых. Права их были растоптаны, но они - преодолели. Они выпрямили угрожающий крен их жизни. Правда, для этого им пришлось навсегда покинуть деревню. Они учатся и работают в городе, который устроен все-таки намного справедливее. Вот несколько фрагментов из интервью с ними:

- *Семья с утра до вечера заставляла меня работать в поле, и поэтому у меня не оставалось времени, чтобы ходить в школу и учиться.*

- *Родители хотели насильно выдать меня замуж за мужчину, который долгие годы живет и работает в России. К тому же он приходился нам дальним родственником и был старше меня на 28 лет. Ровесник моего отца. Никто даже и слушать не хотел моего мнения. Что мне оставалось - смириться? Нет, я выбрала свободу. И вот я в городе, хочу продолжить образование и устроить свою жизнь.*

- *После пятого класса мне запретили ходить в школу, сказали, что этого достаточно. Мне сказали, что с этого дня я должна только помогать по дому и плести рогожные мешки.*

- *С детства я хотела стать актрисой, мой отец был категорически против. Несмотря ни на что, после окончания школы я подала документы в институт искусства и культуры. Я поступила и окончила этот институт. Вот уже 11 лет я живу и работаю в городе, и уже 11 лет как я не видела своих родных.*

Можно привести сотни таких примеров. Невыносимые условия сельской жизни и несправедливость, рабовладельческое отношение к женщине не может не вызывать протеста. Хотя и в городе этим девочкам, ясное дело, намного труднее пробиться к свету.

Илаха Адилькызы,
Баку

Нино СУХИАШВИЛИ
Грузия

традиции и здравый смысл

ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ТЕНЬЮ

зато
приличия -
соблюдены

- У меня есть сын, и я считаю себя счастливой, - говорит моя собеседница Майя - 42-летняя, очень и очень скромная женщина. Она живёт в селе Вака Хашурского района. Считается замужем, хотя мужа в последний раз видела шесть лет тому назад, когда её мальчику исполнилось 9 лет, сейчас ему 15.

- Мы с ним учились в одном классе, поженились после института. Он инженер по профессии, а я библиограф. Сразу после замужества я оставила работу. "Наши мужчины плохо думают о тех женщинах, которые ходят на работу", - сказал он. В каждом селе есть "биржа" - такое место, где собираются мужчины и обсуждают разные вопросы. Мой муж туда каждый вечер ходил. Стало быть, именно биржа предписала мне сидеть дома. Я оставила работу, занялась домашним хозяйством. Но я делала это и раньше. Я жила в селе с детства и привыкла все совмещать с работой на земле или с ухаживанием за домашними животными. Но скоро и муж потерял работу. В Грузии в конце 90-х инженеры были не нужны. Всё рушилось. Однако в селе голодным не останешься. Родителей мужа уже не было в живых, но его остальные родственники помогли нам, а также мои родители и брат. Мы с мужем и сами работали, физически. Нашего сына растила моя мама, а я каждый день ходила в поле и работала, как мужчина. По правилам села, это было дозволено. Хотя я часто исполняла тяжёлую для женщины работу. Было трудно, у нас совсем не было денег. Хотя мы и не голодали, но купить ничего не могли. Мой муж стыдился продавать продукты на рынке. У него ведь было высшее образование!

фото Дианы Петриашвили

И вот он решил уехать в Украину. Сказал, что найдёт там работу, пришлёт деньги, и может быть, потом увезет к себе и нас с сыном. Он собрал родственников, они согласились. Скажу правду, я тоже была не против, но никого моё мнение не интересовало.

На собрании родственников было решено также, что я и мой сын временно будем жить у моих родителей. Нельзя же оставить женщину без присмотра!

Так он уехал в Харьков. Один раз позвонил в Тбилиси к родственникам, сказал, что устроился, передал нам тёплый привет. У нас в селе не было телефона, и я узнала это от родственников. Вот и всё, что было от него. Дальше он перестал и звонить. А денег не прислал ни разу! В момент его отъезда моему сыну было 2 года, и его отец ни разу не поинтересовался, как он растёт. Я одна пережила всё. Он приехал только один раз после 7 лет разлуки. Но не ко мне! Он ничего не объяснил. Мой брат не позволил мне встретиться с ним. Они поговорили между собой, по-мужски. И всё. Брат сказал, что у него там семьи нет, но он не желает жить со мной, а сыну, мол, будет помогать. Но он не исполнил даже это.

Я живу, как вдова. На работу нельзя, у меня же нет мужа, и люди могут сказать всё, что угодно. И погибнет моя драгоценная

репутация, а заодно и честь семьи! На свадьбах и других праздниках бываю редко. Только на похоронах можно! Да еще на родительских собраниях. Но эти собрания бывают очень редко. Мне нельзя общаться с прежними друзьями-мужчинами, громко смеяться на улице, надевать брюки и декольте... Общественное мнение судит строго женщину, рядом с которой нет мужа! Недавно брат купил мне шубу. Очень обрадовалась, но оказалось, что некуда ее надеть! Никто не умер, не позвали в школу. А потом настала весна... Так и осталась висеть

в шкафу новая шуба.

Я живу жизнью моего мальчика. Его проблемы - мои проблемы, его интересы - мои интересы. Но замечаю, что день за днём становлюсь незначительной и для него, я теряю сына.

До сих пор живу у моего брата. Он женился, у него двое детей, наш отец скончался, только мама переживает за мою судьбу. Если бы можно было выйти тебе замуж, - говорит она...

Но я не вдова, у меня муж живой. И замуж мне не полагается.

Роза КУХАЛАШВИЛИ
Грузия

матриархат поневоле **ЗАКРОМА РОДИНЫ** **ПОПОЛНЯЮТ ЖЕНЩИНЫ**

Недавно я побывала в бывшем Кодорском ущелье, которое теперь у нас называется по-другому - "Верхней Абхазией". Настоящая Абхазия находится неподалеку, здесь - зона конфликта

Выехала из Тбилиси рано утром на автобусе в Кутаиси, а оттуда на "кукурузнике". К вечеру приземлились в селе Марихена Генивиши. По-другому попасть сюда не так-то просто, автомобильная дорога очень сложная, 70 км пути нужно ехать 9 часов, да и открыта она только пять месяцев в году. Правда, недавно дорогу реконструировали, теперь она занимает на 3 часа меньше.

Пассажирами нашего "кукурузника", в основном, были женщины и дети. Он приземлился на большом поле, огороженном железной сеткой, это и был аэропорт. Мы оказались в окружении местных жителей - одни встречали родственников, другие пришли за посылками, были и пассажиры на обратный рейс. Кодорское ущелье с 2006 года именуется у нас Верхней Абхазией. Это высокогорная зона, здесь традиционно занимаются скотоводством и пчеловодством, выращивают кукурузу и овощи, в изобилии растут грецкие орехи.. Я слышала, что в горах основная работа в семьях возлагается на женщин. И всё-таки удивилась, когда мы пришли в гости в одну семью, а все женщины оказались в поле - косили сено. Поле женщины совмещают с работой по дому. Им приходится печь хлеб, носить воду из родника, заниматься огородом, садом, скотом. К этому добавьте еще и напряжение - ведь зона-то конфликтная.

Спрашивается: а где же мужчины? Уехали в город или за границу на заработки; молодёжь учится в городе или служит в армии. Те из мужчин, которые еще остались в селе, долгие месяцы проводят на летних пастбищах, в горах. В семьях остаются женщины и дети, дома оживают лишь летом, когда из городов наезжают отдыхающие.

Они работают на износ, не покладая рук, всю жизнь. Но "закрома" никак не наполняются...

фото Дианы Петрашвили

Здесь нет элементарных условий, всё еще живут традиции, враждебные женщинам. Молодёжь, которая учится в вузах, и мужчины, ушедшие на заработки, быстро привыкают к городской жизни и не спешат возвращаться домой. А женщины - мирятся с этим, молчат, не говорят о своих проблемах, ничего не требуют. И все идет по заведенному, годами. И это самое плохое - покорность женщин, готовность терпеть и терпеть, в ущерб своему здоровью, сокращая свои жизни...

В 2006 году на местных выборах в Грузии женщины-кандидаты получили 11,5 процента мест. Самый высокий показатель оказался именно в Верхней Абхазии: 9 мандатов из 14, а это целых 64 процента! Заместитель руководителя муниципалитета тут тоже женщина. Оно и понятно: если кругом одни женщины - то кого же выбирать? Однако рост их числа в местной власти пока никак не отразился на условиях жизни.

фото автора

Галина ПЕТРИАШВИЛИ
Грузия

корни

РАЧА, ЛЮБОВЬ МОЯ

мечта о прошлом

Там отчаянно-радостные утра. В птичьих голосах - счастье, и солнце - яркое, как в детстве. Потом долгий день. "Жарко", - говорят местные. "Прохладно", - считают приезжие. Вечером расходятся по дворам коровы. На шее у каждой колокольчик, и вся деревня звенит, как большая хрустальная люстра.

Машину, которая поднимается в село Земо Бари, Онского района, слышно чуть ли не за полчаса до ее реального появления. И воздух хрустален, и машина ревет, отчаянно напрягаясь в высоту по ухабистой дороге. Заслышав ее, народ гадают: кто это к нам. На этот раз приехал из Амбролаури Леван на "ниве". Машина Левана - это мини-автолавка. Подъехав к деревенской "бирже", он наскоро перечисляет, что привез и что почем. Хлеб, консервы, колбаса, печенье, самые простые лекарства, газировка, жвачка, конфеты... Меня приятно удивляет умеренность цен - они практически такие же, как в Тбилиси. На высказанное вслух удовлетворение местные кивают: "Это только у Левана так". Другие дерут будь здоров.

Однако к совестливому Левану вовсе не выстраивается очередь. У людей нет денег. Казалось бы, тут-то торговле и коней. Но коммерсанты приспособились. Леван, например, завел тетрадку, в которую записывает долги. Бабушка Люба при мне торжественно вручила ему 2 лари и 20 тэтри. Долг чести. Другие коммерсанты наживаются и на этом: охотно меняют сыр на сахар, причем сахар стандартно идет по лари за килограмм, а первоклассный сыр - всего по полтора. В Тбилиси он стоит раз в 5-7 раз дороже. За неимением денег именно сыр играет роль местной валюты.

Жизнь трудна, а трудности не украшают. Бывает, кто-то у кого-то пытается оттяпать клочок земли, кто-то с кем-то в долголетних "контрах"... Но если есть реальная

нужда в в соседе - единение происходит незамедлительно: сообща выхаживают больных, справляют свадьбы и поминки. Местные показывают родовые участки ("убани") - здесь гнездятся Кереселидзе, там, на пригорке, - Петриашвили, во-он там - Кервалишвили, Арчвадзе, Суладзе... Правда, представители всех фамилий, которые живут здесь постоянно, в подавляющем большинстве - старики. В деревне совсем нет детей, нет школы. Получается замкнутый круг - молодым семьям с детьми нельзя без школы, а школу нет смысла открывать из-за отсутствия детей.

Спасибо, если внуки приедут хотя бы на лето. Но и этот скромный отдых далеко не всем по карману. Дорога из Тбилиси, даже на маршрутках, стоит не так уж мало для среднего кармана. В итоге потомки славных рачинских фамилий проводят лето среди асфальта, и тщетно ждут их родовые гнезда, горный воздух и дедушки с бабушками. Тропинки зарастают крапивой, ветшают дома, все теснее кольцо леса и гор. И кружит, кружит вокруг Бари наглеющий волчище...

Государственное присутствие в Земо Бари не ощущается. Однако не отдельная же это страна? Кто-то должен подумать о расчистке дорог? О справедливой торговле? Хотя бы о подобии медицины для стариков? Дай Бог здоровья землякам, но уже сейчас средний возраст в Земо Бари зашкаливает под 70. Что будет завтра? Странное дело, но в нашей горной стране отсутствует хоть

От лучших времен в селе остались указатели, которые вели к родовым поселениям. На этом написано: "Суладзе". Стрелка осталась, но найти кого-то из Суладзе по этому адресу можно разве что летом

фото Дианы Петриашивили

какая-то реальная программа развития высокогорья. Наверное, где-то в кабинетах лежат какие-то бумаги на этот счет. Но в Земо Бари от этого не холодно и не жарко. Родовой дом, заложенный прапрадедом, обустроенный прадедом, реконструированный дедом - он еще красавец, еще хоть куда. Хотя под самый потолок переполнен воспоминаниями. Он помнит, как прадед моего сына, совсем молодой, прикатывал сюда из Тбилиси. Его скромный бизнес процветал в 20-е годы, и именно тогда, возможно, появилась тут эта ножная швейная машинка. И еще ручная, вот эта. Две швейные машинки в доме в деревне в начале века - это как сейчас два мерседеса? Я листаю пожелтевшую швейную инструкцию на русском языке и слышу, как цокают языками сельчане, которых давно нет. Говорят, прадед Константинэ отличался широтой характера и бесшабашностью. До сих пор живет легенда, как однажды он, нагрянув из Тбилиси, закатил сельчанам пирушку, наполнил ведра вином и поднес быкам. Быки будто бы с большим удовольствием выпили - и всю ночь буянили по

село. Деревня была большая, многолюдная, и никто не рвался в город. Вплоть до 70-х годов здесь было целых три школы, магазины, клуб. А в 30-х Константинэ сгинул - его арестовали по наговору, и семье так и не удалось узнать о его судьбе. Известно только, что заточен он был в Метехской тюрьме в Тбилиси - той самой, где нынче снова храм. В доме осталась многочисленная родня - жена и трое детей Константинэ, его братья, сестра Анико. Именно ей, Анико, указала судьба быть хранительницей этого дома. Почти век прожила она тут. Никогда не была замужем, растила сначала племянников, потом детей племянников. Они приезжали к ней на лето, а всю долгую зиму она вязала им носки, готовила сыр, молола кукурузную муку. И работала-работала не покладая рук - и дома, и в колхозе. Классический вариант женской судьбы.

Что думала она долгими зимними вечерами? Что думала она о жизни и как оценивала свою судьбу? Тайна. Дом верно хранит ее. Его второй этаж, как парус, наполнен ветром. Древесные стены, источающие тонкий каштановый аромат, вздыхают, охают, подрагивают на ветру. Мой сын спит крепко-крепко, а я никак не могу заснуть. Вот скрип, вот шорох, вот легкие-легкие шаги не то по крыше, не то по балкону. Милая Анико, это кристальная душа твоя смотрит на нас печальными глазами.

Странные мысли лезут в голову. Вот бы взять и шагнуть в эту жизнь? Как в омут или в монастырь. Провести в этом доме в полном одиночестве хотя бы одну долгую снежную зиму. Даже без коровы, коз, кур, сена и заботы о комбикорме. Просто - убирать навалившийся за ночь снег, ходить за водой по дорожке, скользкой от леденеющего родника, готовить обед на железной печке. А потом - весь вечер вязать носки под вой вьюги. Пусть мои руки станут как у Мзии-дэиды и Иры-дэиды, и я стану совсем своей им.

И тогда я поняла бы, что думала по вечерам Анико, отражаясь в черном-черном окне.

Звенящая на ветру цитата из Акакия Церетели про бирюзу небес и изумруд родной земли, натуральным образом отлита в металл и вознесена - патриотическое чувство иногда принимает причудливые формы.

фото Дианы Петриашивили

Марина МАКСИМОВА
Эстония

у Европы - свои проблемы

ХОРОШО ИМЕТЬ ДОМИК В ДЕРЕВНЕ

**все больше горожан в Эстонии
переезжают жить
в сельскую местность**

Анне уехала из столицы и поселилась в селе. Красивая, образованная, социально востребованная - для многих ее поступок оказался большой неожиданностью.

А она объясняет так:

- Я родилась и выросла в Таллинне, думала всю жизнь прожить в нем. В юности я стремилась быть на виду, не упускала ни одной возможности заявить о себе. Когда мне предложили вступить в одну из влиятельных партий, я согласилась. С энтузиазмом бралась за поручения, была очень исполнительна, старалась как можно чаще бывать на людях, чтобы приобрести больше полезных контактов. Но мои общительность и популярность сыграли со мной злую шутку. Пресса не очень-то жалует женщин в политике, особенно молодых и привлекательных. Слухи, сплетни, насмешливые комментарии, публикация нарочито неудачных фото - все идет в ход. Не обошли недобрый вниманием и меня. Вроде бы, ничего такого, за что стоило бы подать в суд, - так, мелкие колкости, недоброжелательство. Я заметила, что стала избегать толпы, реже бывать на приемах. Зато стала вздрагивать от телефонных звонков.

Я корила себя за излишнюю чувствительность. Но общественная деятельность перестала занимать главное место в моей жизни. Я участвовала в серьезных социальных проектах, но это не приносило мне удовлетворения. Все чаще я проводила выходные дни за городом, на родительской даче, в полном одиночестве. В личной жизни тоже наступило затишье - я становилась все более разборчивой в выборе знакомых. И вдруг поняла, что для многих важны были только мой статус и потенциальные возможности.

Прятным исключением был один мой знакомый. Он не скрывал от меня, что и у него начались неприятности в бизнесе. Однажды нам в голову одновременно пришла одна и та же идея: из Таллинна надо уезжать - и чем скорее, тем лучше. Мы оба очень устали. Мы оба поняли: для того, чтобы просто сохранить за собой нашу нынешнюю работу, нам необходимо бежать и бежать - изо всех сил, на пределе своих возможностей.

Трудности разрешились сами собой. Закончился мой проект, а фирма, в которой трудился муж, прекратила свое существование. Мы восприняли это спокойно. У нас были отложены деньги, и мы сразу уехали в маленький поселок. Там, прямо у леса, был дом, который достался мужу в наследство. Как же мы радовались тому, что в трудные дни он не продал его! Может быть, дом ждал нас? Своими руками мы сделали ремонт, укрепили и утеплили его. И у нашего дома, и у нас началась новая жизнь.

Люди в поселке оказались приветливыми и дружелюбными, самое интересное, что примерно половина семей, как и мы, переехали сюда жить из города. Мы оба очень скоро нашли для себя вид деятельности, которая не требует частых поездок в город - нужны только компьютер и телефон. Да и денег нам требуется теперь гораздо меньше. Оказалось, что на модные премьеры, деловые костюмы, кафе, бензин и оплату стоянки уходила пропасть денег!

Конечно, у сельской жизни есть и свои особенности, к которым надо привыкнуть. В поселке иногда пропадает электричество, и тогда нельзя пользоваться ни компьютером, ни телефоном. В такие моменты я чувствую себя очень одинокой, беспомощной и оторванной от жизни. Мне пришлось научиться растапливать печку. Зато здесь мы впервые услышали настоящую тишину. Бессонница, которая частенько навешала нас в городе, отступила. Мы очень рано просыпаемся и рано ложимся спать. Такой сильной и энергичной, как сейчас, я не чувствовала себя давно. И еще - неожиданно я поняла, что скоро стану мамой. А ведь я уже и надеяться перестала. Так что очень скоро в моей жизни начнется новый долгосрочный проект.

КСТАТИ: комментарий психолога

“Дауншифтинг” (от англ. downshift - игра на понижении) означает добровольный и сознательный отказ от карьерного роста для того, чтобы иметь больше времени для личной жизни. Иногда дауншифтинг сопровождается переездом в сельскую местность. Карьера как таковая перестает быть главным жизненным приоритетом. На смену амбициозным планам приходит понимание того, что существуют и другие ценности. Дауншифтинг в глазах посторонних может выглядеть как неудача. Но глубинный смысл этого социального и психологического явления - отказ от ложного “я”, от ставших чуждыми целей и желаний, которые когда-то были приняты за свои собственные. Это - возможность начать жить в соответствии со своим внутренним голосом. Наградой могут стать внутренний комфорт, согласие с собой, возможность вести более насыщенную личную жизнь.

Редакторский состав:

Галина ПЕТРИАШВИЛИ (главный редактор), Грузия
(+99599 90 11 24, galapet@ip.osgf.ge)
Цицино ДЖУЛУХИДЗЕ (редактор грузинской версии), Грузия
(+99599 92 32 67, cicoju@rambler.ru)
Диана ПЕТРИАШВИЛИ (редактор английской версии), Грузия
(+99599 76 26 21, dianapetriashvili@yahoo.com)

Над номером работали:

Алтын АХМЕДОВА, Туркменистан
Диана ПЕТРИАШВИЛИ, Грузия
Вафа САЛЕХ, Азербайджан
Илаха АДильКЫЗЫ, Азербайджан
Нино СУХИАШВИЛИ, Грузия
Роза КУХАЛАШВИЛИ, Грузия
Галина ПЕТРИАШВИЛИ, Грузия
Марина МАКСИМОВА, Эстония

Фото:

Умида АХМЕДОВА, Узбекистан
Диана ПЕТРИАШВИЛИ, Грузия
Полина МИЛОРАДОВИЧ, Грузия
Галина ПЕТРИАШВИЛИ, Грузия
Вафа САЛЕХ, Азербайджан
Геннадий МАКСИМОВ, Эстония

Дизайн и верстка:

дизайн-группа
Ассоциация "ГендерМедиаКавказ" (Грузия)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОАЛИЦИЯ

КавКАзия

*РЕДАКЦИЯ НЕ ВОЗРАЖАЕТ ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖУРНАЛА
ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ -
ПРИ УСЛОВИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ССЫЛКИ НА ИЗДАНИЕ И АВТОРА*

номер выпущен благодаря собственным ресурсам

АССОЦИАЦИИ ЖУРНАЛИСТОВ
ГендерМедиаКавказ

www.gmc.ge

<http://spaces.msn.com/GMC-Georgia/>

Грузия, 0103, Тбилиси, ул. Иорская, N17
Tel./факс (995 32) 277 033; (995 99) 90 11 24
e-mail galapet@ip.osgf.ge